

НИКОЛАЙ
ТОМАН

**ЧТО ПРОИСХОДИТ
В ТИШИНЕ**

ТАЙНЫЙ
ФРОНТ

Тайный фронт

Николай Тoman

Что происходит в тишине

«Алисторус»

1953

УДК 82-311.312.4
ББК 84стд1-445.7

Томан Н. В.

Что происходит в тишине / Н. В. Томан — «Алисторус»,
1953 — (Тайный фронт)

ISBN 978-5-00269-685-7

Николай Томан (1911-1974) - классик и один из основателей жанра военных приключений. В этот сборник включены четыре внецикловых произведения писателя-фронтовика. Последний год войны. Готовится наступление Красной армии в Прибалтике. Но в нашем тылу действует необычайно изобретательная агентурная сеть гитлеровских шпионов. Нужно рассекретить агентов и раскрыть способы их работы. Оказалось, что для передачи информации немецкая разведка использовала обыкновенную лампочку накаливания со встроенной телекамерой. Она позволяла агенту незаметно фотографировать оперативные карты и транслировать изображение на экран монитора в укрытый блиндаж... И это лишь одна из тайн, которую мы раскроем вместе с советскими контрразведчиками. Читайте классические шпионские повести от мастера жанра.

УДК 82-311.312.4
ББК 84стд1-445.7

ISBN 978-5-00269-685-7

© Томан Н. В., 1953
© Алисторус, 1953

Содержание

Что происходит в тишине	6
Командарм анализирует обстановку	6
В маленьком домике	8
Генерал ставит задачу	10
Логика капитана Астахова	13
Рождение замысла	15
В штабе инженерных войск	17
Разведсводка	19
Фото пленка Кедровой	21
Ход генерала Погодина	24
Проявленные негативы	25
В зеленом квадрате	27
Неужели Наташа?	29
Неожиданное посещение	31
Положение осложняется	33
Круг суживается	36
Чертежный столик	38
Войска идут к фронту	39
Еще одно звено	41
Короткая аудиенция	43
Поздно вечером	44
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Николай Томан

Что происходит в тишине

© Томан Н. В., правообладатели, 2026

© ООО «Издательство Родина», 2026

* * *

Николай Томан

Что происходит в тишине

Командарм анализирует обстановку

Шел дождь, обычный в Прибалтике: мелкий, надоедливый. Ветровое стекло машины покрылось мельчайшим бисером брызг. Бесперывно двигавшиеся по стеклу щетки уже не в состоянии были сделать его прозрачным. Командарм поднял воротник кожаного пальто и надвинул на глаза генеральскую фуражку. Казалось, он погрузился в дремоту, забыв о генерале Погодине, которого специально взял в свою машину. Погодин догадывался, что предстоит серьезный, скорее всего, неприятный разговор, и терпеливо ждал.

Командарм, пожилой, полный, даже, пожалуй, несколько тучный человек, всегда удивительно бодрый и не по годам подвижной, всей своей крупной, ссутулившейся теперь фигурой выражал крайнюю степень усталости. Погодин знал до мельчайших подробностей распорядок его дня, из которого совершенно исключалось время на отдых. «Наверно, лишь в эти часы переездов из одной дивизии в другую, с одного фланга армии на другой ухитрится он отдыхать», – подумал Погодин.

Но едва мелькнула эта мысль, как командарм, не поворачиваясь к Погодину, сказал густым, низким голосом:

– Думаешь, наверно, что заснул старик? Нет, я не сплю... Неважный выдался денек сегодня. Что ты на это скажешь?

И опять последовала пауза, длинная, томительная. Погодин знал характер командарма и не спешил с ответом.

Машина, подпрыгивая на стыках щитов, катилась лесной просекой по узкой колее дощатого настила. По бокам мелькали, будто отлитые из бронзы, мощные стволы сосен. Впереди двигалась автоколонна с реактивными снарядами. Сзади наседали три тяжело нагруженных «ЗИСа». Машина генерала была зажата между ними и не имела возможности выскочить вперед даже на разъездах.

Командарм, всегда требовавший от своего шофера непрямого обгона попутных автомашин, сегодня, казалось, даже не замечал, что его машина не может вырваться на свободную дорогу.

– Так вот, – после долгого молчания сказал наконец командарм, – любопытно мне, генерал, твое мнение о причине неуспеха нашей сегодняшней операции.

Погодин по-прежнему молчал. Он знал, что командарм не станет выслушивать его мнение, прежде чем не выскажет своего. Погодин давно привык к такой манере командарма развивать свою мысль.

– Не кажется ли тебе странной быстрота, с которой противник успевает подтягивать свои резервы в направлении нашего главного удара? – снова спросил командарм.

Замолчав, будто ожидая ответа, он принялся старательно протирать потное ветровое стекло. Потом решительно повернулся к Погодину и продолжал, понизив голос:

– А теперь слушай меня внимательно. Если искать объяснение нашему сегодняшнему неуспеху, его нетрудно найти. Мы начали стремительную атаку, но не смогли выдержать ее темпа. В результате наметившийся у нас прорыв тактической глубины обороны противника так и не получил развития.

Машина дрогнула и остановилась, но командарм даже не обратил на это внимания. Он продолжал все тем же негромким, спокойным голосом развивать свою мысль:

– Тут, конечно, возникает вопрос: почему? А потому, что противник успел подтянуть имевшиеся у него резервы. Вот тебе и объяснение. Оно формально вполне приемлемо и доста-

точно убедительно. Однако если мы посмотрим глубже, генерал, если постараемся не только оправдаться перед начальством, но и самим себе объяснить создавшееся положение, то дело примет несколько иной оборот. Так ведь?

– Так, – отозвался Погодин, глядя через плечо шофера, как впереди трогаются с места застрявшие было машины.

– Да, дело примет иной оборот... – задумчиво повторил командарм. – Окажется, например, что противник чересчур уж ретиво ринулся на парирование нашего удара. Скажу более: он ринулся с такой поспешностью, будто заранее знал об этом ударе. И знаешь, что во всем этом самое удивительное?... – Командарм опять повернулся в сторону Погодина. Прищурившись, испытующе посмотрел ему в глаза и добавил, снова понизив голос: – Самое удивительное заключается в том, что заслон противника был рассчитан на парирование удара по меньшей мере трех корпусов, тогда как мы действовали всего лишь одним корпусом. Странно это, генерал?

– Странно, – согласился Погодин.

– А почему странно? Да потому, что мы первоначально в самом деле намеревались действовать тремя корпусами и лишь в самый последний момент изменили это решение. Не кажется ли тебе, что противник каким-то образом узнал о наших первоначальных планах?

– Да, кажется.

Щитовая колея дороги кончилась, начался жердевой настил. Машина сразу вдруг запрыгала, затряслась мелкой дрожью.

Разговаривать стало трудно, но командарм продолжал:

– И это не может не казаться подозрительным, ибо все крупные действия на фронте подчинены строгой закономерности. Как бы ни хитрил противник, что бы ни предпринимал в масштабе армии, я всегда найду этому объяснение. Мелкая часть, до батальона включительно, может менять дислокацию, перегруппировываться, наступать, отступать или обороняться – этому не сразу найдешь причину. Тут может быть много случайного. Но когда шевелятся дивизии, когда противник перемещает корпуса, я не могу не догадаться о причинах, которые вызвали подобные действия.

Машина подошла к штабу гвардейской дивизии и остановилась. Пока начальник штаба, предупрежденный дежурным, шел встречать командарма, тот закончил свой разговор с Погодиным.

– Короче говоря, генерал, – сказал он, – я подозреваю, что на сей раз противник располагал точной информацией о наших намерениях. Твоя задача – выяснить источник этой информации. Чем скорее ты это сделаешь, тем лучше.

В маленьком домике

Капитан Астахов подошел к окну. По узкой, протоптанной через запущенные огороды тропинке шла Наташа Кедрова. Она пересекла уже небольшую полянку перед окнами дома, из которого наблюдал за ней капитан, и остановилась возле доски, где вывешивались свежие сводки Совинформбюро.

– Похоже, капитан, что вы равнодушны к Кедровой, – усмехнулся стоявший позади капитана майор Гришин, начальник Астахова.

– Неужели похоже? – удивился Астахов.

– Да, очень.

– Она и в самом деле меня интересует. В ней есть что-то такое... и в характере и во внешности. Обратите вы внимание на ее лицо? Я не художник, но мне кажется, что в нем есть удивительная четкость и законченность линий.

– Ого, как вы ее разрисовываете! – засмеялся Гришин. – Уж не влюблены ли?

Астахов сдвинул брови, поморщился и заметил холодно:

– Положительно не понимаю, почему нужно быть обязательно влюбленным в женщину, которая вас чем-нибудь интересует. Может быть, вы объясните?

– Мне нравится, товарищ Астахов, ваше серьезное отношение ко всему, но то, что вы не понимаете шуток, право, досадно, – по-прежнему продолжая улыбаться, заметил Гришин.

– Таких шуток я действительно не понимаю, – упрямо повторил Астахов.

– Ну хорошо! – Резким движением мускулов согнав с лица улыбку, майор сказал уже совершенно серьезно, почти официальным тоном: – Не будем больше говорить об этом. Однако любопытно, чем же заинтересовала вас Кедрова?

Астахов видел, как Наташа, прочитав сводку, быстрой, легкой походкой прошла мимо домика, в котором он жил и работал вместе с майором Гришиным. Когда она скрылась за углом соседнего сарая, капитан отошел от окна и сел за стол против Гришина.

– Вы хотите знать, чем заинтересовала меня Кедрова? – спросил он. – У меня к ней, видите ли, профессиональный интерес.

Майор удивленно поднял брови.

– В ее поведении, да, пожалуй, и в характере много непонятного для меня, – продолжал Астахов. – И вот я хочу понять, разгадать, вернее, даже решить это непонятное, как решил бы математик неожиданно попавшуюся ему сложную алгебраическую задачу.

Майору стоило больших усилий сдержать улыбку, но он сдержал ее и сказал наставительно:

– Математика – слишком абстрактная наука, нам же приходится иметь дело с явлениями очень конкретными.

– Это так, – согласился Астахов, – но и в нашем труде и в труде математика есть много общего. Как ему, так и нам приходится иметь дело с неизвестными величинами.

Гришин не любил теоретических споров. Он не имел такого образования, как Астахов, пришедший в армию с последнего курса физико-математического факультета, и ему нелегко было тягаться с ним. Майору казалось даже, что широкая образованность Астахова толкает его на поиски отвлеченных сравнений, отрывает от жизни. Математика же и физика, которые изучал Астахов в университете, представлялись Гришину не применимыми в их практике. Во всяком случае, до сих пор он лично вполне без них обходился.

«Вот если бы Астахов работал шифровальщиком, тогда познания его в математике пригодились бы, конечно...» – уже не в первый раз подумал Гришин о своем помощнике, но раздавшийся телефонный звонок прервал его мысли. Майор снял трубку.

Офицеры штаба армии обычно избегали в телефонных разговорах называть фамилии и звания старших начальников, однако по тону голоса Гришина, по тому, как он невольно выпрямился, Астахов догадался, что майор разговаривает с генералом. Ответы Гришина были предельно лаконичны.

Разговор длился не более нескольких секунд.

Положив трубку на рычажок телефонного аппарата, майор набросил на плечи шинель.

– Собирайтесь, товарищ Астахов, – сказал он. – Генерал вызывает.

– Что взять с собой? – спросил капитан. – Какие сведения? Он ведь не любит, когда к нему являются с пустыми руками.

– Как мне кажется, – заметил майор, – на этот раз ему понадобятся такие сведения, которых у нас с вами нет и добыть которые будет нелегко.

Генерал ставит задачу

Разговор с командиром долго не давал покоя генералу Погодину. Он и сам все эти дни был встревожен положением на фронте, теперь же обстановка казалась ему почти угрожающей.

Из опыта боев Погодину было известно, что пехотные дивизии неприятеля, снятые с других участков обороны, появлялись в районе прорыва через один-два дня. Более быстрое появление их не могло не вызвать подозрений. При такой значительности масштаба операций случайность действий противника исключалась. В этом командарм был прав.

Приходилось допустить, что противник получал откуда-то информацию о намерениях армейского командования.

Генерал Погодин много лет боролся с разведкой противника и в совершенстве изучил повадки ее агентуры. Он знал, что многое в приемах врага повторялось, но никогда не подходил к решению той или иной задачи с предвзятым мнением. Напротив, он твердо был уверен – и всякий раз убеждался в этом, – что даже самый шаблонный ход неприятельского агента неизбежно заключал в себе элементы нового, типичного для создавшейся обстановки. Это умение угадывать новые детали в старых приемах вражеских разведчиков почти всегда обеспечивало ему победу.

Погруженный в размышления, задумчиво прохаживался генерал Погодин по небольшой комнате сельского здания, приспособленного для его штаба, когда адъютант доложил ему:

– Майор Гришин и капитан Астахов.

– Пусть войдут.

Разрешив вошедшим офицерам сесть, генерал, очень дороживший временем, тотчас же приступил к существу дела.

– Вы знаете, – сказал он, – что система работы штаба армии построена так, что штабные офицеры разных отделов обмениваются информацией только по крайне необходимым вопросам. Когда же командованием ставится серьезная оперативная задача, в разработке ее участвует еще более ограниченный круг лиц. К числу их относятся лишь немногие старшие офицеры управления армии.

Погодин внимательно посмотрел на своих подчиненных. Они слушали его сосредоточенно, но генерал хорошо понимал, что на каждого из них слова его оказывают различное воздействие. Гришин, например, прямолинеен, его аналитические способности невелики, однако он незаменим в проведении операций. Вряд ли предложит он оригинальное решение, зато выполнит уже готовый план безукоризненно. Капитан Астахов неуравновешен и слишком доверчив, не обладает выдержкой Гришина, но зато имеет четкую логику мышления и отличается большой самостоятельностью.

– И вот однако ж, – продолжал Погодин, – несмотря на все принятые меры секретности, противник каким-то образом получил информацию о разработке последней нашей операции. Как он это сделал, я не знаю, но мы обязаны узнать источник его осведомленности в самое кратчайшее время. За всю нашу работу это первый случай, и он должен стать последним.

Генерал достал из стола ящик с папиросами, предложил закурить.

– Достаточно ли хорошо знаете вы офицеров и вообще весь личный состав, имеющий доступ к оперативным документам штаба? – спросил он после непродолжительной паузы.

– Полагаю, что достаточно, – ответил Гришин.

– А я бы не осмелился на вашем месте отвечать так уверенно, – строго заметил генерал, – ибо самые обстоятельные знания о любом предмете, а тем более о человеке никогда не бывают исчерпывающими. Короче говоря, нужно еще раз присмотреться к людям, присмотреться, отбросив предвзятое мнение, будто вам все о них известно.

Логика капитана Астахова

Капитан Астахов долго не ложился спать в эту ночь. Он сидел за своим маленьким, шатким столиком и чертил на листе бумаги какие-то замысловатые геометрические фигуры. Он делал это совершенно бессознательно, по давнишней привычке чертить или рисовать что-нибудь в часы напряженных раздумий. Ему всегда казалось, что такое занятие способствует плавному ходу мыслей, но сегодня и это не помогало.

Генерал предлагал еще раз присмотреться к штабным офицерам, вместе с которыми Астахов воевал вот уже четвертый год. Капитан наблюдал их изо дня в день и знал достаточно хорошо. Он был глубоко уверен, что здесь, на фронте, все познается быстрее и глубже, чем в любых других условиях. Астахов знал не только служебные качества каждого из этих людей, но и черты их характера. Не все они были достаточно хорошо образованны, не все одинаково талантливы, но все были подлинно советскими людьми. В этом у капитана не было никаких сомнений.

Прикидывал он и так и этак, но вера его в людей оставалась непоколебимой, а задачу все-таки нужно было решить. От ее решения зависела не только судьба этих людей, но может быть, и судьба армии.

Бесплодно просидев до двух часов ночи, Астахов в начале третьего решил лечь спать. Он потушил свет и долго лежал с открытыми глазами. Ночь была тихая. Лишь изредка рокотали ночные бомбардировщики «По-2», направляясь к переднему краю, да с нудным гудом рыскал где-то неподалеку фашистский ночной охотник, высматривая машины с зажженными фарами. Иногда в районе железнодорожной станции глухо ухали тяжелые зенитки.

А сон все не шел. Голова продолжала лихорадочно работать. Лишь несколько успокоившись, Астахов стал рассуждать хладнокровнее. Отбросив все случайное, мешающее сосредоточиться, он решил несколько сузить свою задачу. Для него все время было бесспорно, что никто из офицеров штаба армии не мог быть прямым или косвенным источником информации врага. Исчезновение подлинников было маловероятным. Оставалось предположить, что каким-то образом исчезали из штабов и попадали к противнику оперативные документы в виде черновиков или копий.

Прежде чем ломать голову над тем, как могли черновики или копии документов исчезать из штабов, Астахов решил установить, какой из оперативных документов был особенно важным, может быть, даже собирательным, заключающим в себе весь замысел командования.

Капитан хорошо знал порядок работы штабов и имел ясное представление обо всех основных документах, изготавлиющихся при разработке операции. Из всего многообразия этих документов он выделил два основных вида: письменный и графический. В первом противника могло интересовать далеко не все, ибо в нем было много зашифрованных сведений, разобраться в которых было нелегко. Зато второй вид документации – карты и схемы – был более ценен, ибо в них перечислялись части, участвующие в операции, районы их сосредоточения и маршруты следования. Графический язык карт был лаконичен, ясен и прост. Он мог бы открыть врагу почти исчерпывающие данные. К тому же карта большей частью являлась первым, а иногда и единственным документом, на котором запечатлевался замысел командования.

Остановившись на том, что именно оперативная карта представляла основной интерес для противника, капитан стал размышлять, каким же образом она могла попасть к нему. Он слишком хорошо знал, как строго учитывается каждый изготовленный экземпляр оперативного документа, как уничтожаются черновики секретных бумаг. Оперативные же карты,

вообще не имеющие черновиков, немедленно нумеруются и регистрируются как совершенно секретные, так что незаметное исчезновение их просто немыслимо.

Капитан Астахов дошел в своих размышлениях до этого пункта, но дальше так и не смог продвинуться. В пятом часу утра пришел откуда-то майор Гришин. Не зажигая света, он быстро разделся и лег спать. Капитан Астахов не имел обыкновения расспрашивать своего начальника о том, куда он ходил, но, зная круг его обязанностей, всегда догадывался об этом.

Взбив соломенную подушку, Астахов натянул на себя одеяло и, закрывшись с головой, попытался заснуть. Зябко дрогнули стекла от гула артиллерийского налета на участок переднего края. Грохнул где-то совсем недалеко разрыв снаряда дальнобойного орудия противника. И снова наступила тишина, а сон все еще не шел к капитану.

Наверно, движение мысли имеет такую же инерцию, как и движение физического тела, потому, видимо, Астахов не мог переключить свои мысли на что-либо иное, кроме штабной оперативной карты. И чем больше он о ней думал, тем очевиднее для него становилось, что именно за этой картой охотился противник, ибо она давала ему не только исчерпывающие, но и наглядные сведения о наших замыслах.

Рождение замысла

Утром капитан Астахов явился к генералу Погодину. Генерал принял его довольно холодно и всем своим необычно официальным видом, слегка приподнятыми бровями и вопрошательным взглядом, казалось, говорил: «Не поторопились ли вы с визитом, молодой человек?»

Он жестом разрешил капитану сесть и принялся записывать что-то в блокнот. На Астахова это молчание подействовало удручающе, и он невольно подумал: «Не поторопился ли я в самом деле, не слишком ли быстро принял решение?»

Окончив довольно длинную и, как показалось Астахову, не очень срочную запись, генерал сказал коротко:

– Ну-с, слушаю вас.

Несмотря на невольное волнение и некоторую неуверенность, вызванную холодным приемом, капитан все же довольно твердо и четко изложил свою мысль.

Генерал выслушал его внимательно, не перебивая и не отвлекаясь ничем. И хотя мысль Астахова, видимо, показалась генералу несколько наивной, он не позволил себе улыбнуться, а, напротив, отнесся к словам капитана с должным вниманием и серьезностью, что, впрочем, не помешало ему заметить:

– Все это так, товарищ капитан, но этим вы не открываете ничего нового. Ценность карты для противника совершенно очевидна, однако получить ее не очень просто, тогда как короткое устное или письменное сообщение о том, что мы тогда-то такими-то силами и в таком-то направлении собираемся наступать, противника вполне бы удовлетворило. Это ведь гораздо проще и естественнее.

– Да, конечно, это проще, – согласился Астахов, – но это общее положение, а я беру частный случай. Если бы дело шло о широкой разработке операции с привлечением к этому большого количества исполнителей, то, конечно, правильнее было бы сделать ваше допущение, но ведь тут речь идет об очень ограниченном круге лиц, честность которых вне подозрений. Иными словами, я хочу сказать, что люди в данном случае не могли явиться источником информации.

– Вы имеете в виду больших начальников?

– Да.

– Но ведь, кроме них, могли иметь некоторое отношение к этому и другие работники штабов, – возразил генерал. – Насколько мне известно, в штабе инженерных войск чертежница не такой уж большой начальник. Если мне не изменяет память, она всего лишь старший сержант.

– Так точно, товарищ генерал, старший сержант, но на этот раз она не имела отношения к карте. Это мне известно совершенно достоверно. К тому же, товарищ генерал, чертежница Кедрова работает в штабе инженерных войск вот уже около двух лет, и мы не имеем основания ей не доверять.

Генерал промолчал, хотя он и не был согласен с Астаховым. Капитан продолжал:

– Я все-таки уверен, товарищ генерал, что противник использует наши оперативные карты, каким-то образом проникающие за пределы штаба.

– Что же вы предлагаете?

– Я предлагаю эксперимент. Нужно срочно произвести разработку очень серьезной, но фиктивной операции. Нужно также, чтобы о фиктивности ее знали только два человека: вы и командарм. Все остальные должны принимать ее всерьез. И еще одно неперемennое условие: к разработке этой операции должно быть привлечено строго ограниченное количество лиц. Лучше всего, если вы сами составите список и предложите его командарму.

– Да, пожалуй, – согласился генерал после некоторого раздумья.

В тот же день генерал Погодин предложил идею Астахова командарму, и командарм, вопреки опасениям Погодина, одобрил ее.

– Это любопытно, – сказал он. – У нас сейчас оперативная пауза. Народ ничем особенным не занят, так что, пожалуй, можно попробовать.

Командарм перелистал настольный календарь, подумал и спросил:

– Когда лучше, по-твоему?

– Да хотя бы завтра, – ответил Погодин.

– Ну что ж, завтра так завтра.

И вот утром следующего дня командарм собрал у себя командующих и начальников родов войск армии и приказал им начать разработку плана крупной наступательной операции.

В штабе инженерных войск

Поздно ночью в просторной штабной землянке инженерных войск армии помощник начальника секретной части старший сержант Яценко укладывал в обитые железом ящики секретные дела и карты.

В штабе, кроме Яценко да чертежницы Кедровой, никого не было. Генерал Тихомиров и полковник Белов с утра засели в землянке полковника и никого туда не пускали. Старший помощник Белова, майор Рахманов, и два младших помощника ушли ужинать. Похоже было, что они еще не скоро лягут спать, ибо, по установившейся традиции, офицеры штаба раньше генерала и полковника спать не ложились.

Уставший, вечно недосыпающий старший сержант Яценко ворчал:

– Нет ничего тяжелее штабной работы! Сидишь, как проклятый, день и ночь – и никакой видимости!

– Что ты имеешь в виду под видимостью? – спросила Кедрова. – У тебя очень замысловатый слог, Остап.

– Никакой продуктивной работы не видно, вот что я имею в виду. Одна неосязаемая писанина.

– Неужели все эти ящики с «писаниной» неосязаемы? – засмеялась Кедрова.

– Ты все шутишь, Наташа, а я чертовски спать хочу!

Старший сержант Яценко, веселый, добродушный человек, действительно смертельно хотел спать. Вздремнуть хотя бы только три-четыре часа, но так, чтобы никто не потревожил, не разбудил и не спросил ключей от ящиков и шкафов или очередного исходящего номера, казалось ему верхом блаженства.

– Знаешь, Наташа, – сказал он, – я вот дождусь майора Рахманова и буду проситься на отдых, все равно я уже не работник. У меня один глаз только смотрит, а другой давным-давно спит. И тебе советую проситься. Чует мое сердце, будет у нас завтра работенка. Неспроста генерал с полковником заседают – похоже, что к новой операции будем готовиться.

– Что ж проситься, – вздохнула Кедрова, – начальство само знает, когда отпустить.

– Но ведь ты тоже вторые сутки не спишь и вообще все время недосыпаешь. Тебе ведь вредно...

– Э, брось ты это, Остап!

Яценко тяжело вздохнул и, помолчав немного, продолжал:

– Чертежная работа очень уж беспокойная. Ты бы на работу полегче попросилась...

Кедрова нахмурилась и сказала строго:

– Оставь, Остап, не люблю я этих соболезнований!

Яценко улегся на сдвинутые железные сундуки, подложив под голову пухлую папку, и хотя имел обыкновение засыпать почти мгновенно, на этот раз долго ворочался – все не мог успокоиться.

– Мне, знаешь ли, Наташа, – продолжал он, – очень нравится, что ты такая серьезная, рассудительная и строгая.

– Что это ты сегодня слишком разоткровенничался, Остап? – удивилась Кедрова. – Никак, еще в любви начнешь объясняться?

– Я бы и объяснился, да ведь ты смеяться будешь.

– Конечно, буду. – Наташа улыбнулась, обнажив удивительно ровные, блестящие зубы. Махнув на Яценко рукой, она рассмеялась: – Ну, да ты спи лучше!

Яценко повернулся на другой бок, но в это время у входа в землянку раздались голоса, и он торопливо поднялся со своего железного ложа:

– Наши, кажись. Ох, чует мое сердце, не спать мне и эту ночь!

В землянку вошли полковник Белов и майор Рахманов.

– А ты чего не спишь, куме, – шутливо обратился Белов к старшему сержанту.

Полковник был постоянно весел. Кажется, еще не было такой неприятности, от которой бы он приуныл. Расточая направо и налево свои иногда несколько грубоватые шутки, он всегда делал это добродушно, не думая никого оскорбить или обидеть.

Пока Яценко бормотал что-то о том, что рад бы поспать, да возможности нет, полковник, не слушая его, направился к Кедровой и, улыбаясь, протянул ей руку:

– Приветствую вас, красавица!

– Вы бы мне лучше доброй ночи пожелали! – засмеялась Кедрова.

– Именно доброй, а не спокойной. До спокойной еще далеко.

– Значит, будем работать?

– Да, работать. Но вы не пугайтесь: трудиться придется мне, вы же ступайте пока отдыхать. – Полковник снова протянул ей руку и сказал: – Доброй ночи!.. Ну, а тебе, куме, – обратился он к Яценко, – придется пободрствовать... Ого, как вытянулась твоя физиономия! И здоров же ты спать, куме! Ну, да что с тобой поделаешь... Достань-ка мне дело номер тридцать да устраивайся здесь на ящиках. Ты ведь, говорят, как факир, можешь спать хоть на гвоздях. Ложись, куме, отсыпайся на здоровье, а когда понадобится, я тебя разбужу.

В землянку вошли остальные офицеры штаба.

– Ну-с, – повернулся к ним полковник, – вы тоже – марш все спать! Подъем в шесть ноль-ноль. Доброй ночи и приятных сновидений!

Разведсводка

К исходу дня офицеры общевойсковой разведки штаба армии составляют разведсводку. Короткий, отпечатанный на одной или двух страницах документ впитывает в себя кропотливую и небезопасную работу многообразных разведывательных органов армии за целые сутки. Тут есть все: положение войск противника, действия его авиации и артиллерии, данные дневных наблюдений за передним краем и всеми просматриваемыми участками фронта неприятеля, результаты ночных поисков и опроса пленных, данные авиаразведки и наблюдения за работой вражеских войсковых раций.

Добывая эти сведения, десятки опытных разведчиков с различных пунктов, вооружившись стереотрубами, перископами и биноклями, зарывшись в землю или забравшись на деревья, в любую погоду просматривают каждую видимую пядь земли врага.

Пройдет ли группа солдат вдоль фронта, проследуют ли повозки с ящиками, донесется ли шум поезда со стороны вражеской станции, промелькнет ли где-нибудь между деревьями связанной мотоциклист – все это тщательно занесут в свои журналы наблюдений разведчики-наблюдатели, указывая точную дату, время суток, квадрат или более точную координату топографической карты. Ничто не ускользнет от их внимания. Они всё услышат и увидят. И даже тогда, когда пелена тумана закроет поле видимости, когда длительные дожди косым пунктиром заштрихуют просматриваемые участки, разведчики все равно будут вести наблюдения, занося в журнал плотность тумана, длительность дождя, его интенсивность и глубину видимости.

Когда же ночь черным своим маскхалатом скроет от глаз территорию врага, на смену зрению разведчиков придет их слух. Наблюдателей сменят тогда «слухачи». Они почти вплотную подберутся к переднему краю обороны врага и настороженно станут прислушиваться к малейшему шороху, едва слышным звукам, доносящимся издалека. По ровному глухому шуму опознают они движение пехоты, по дробному гулу, фырканию и цокоту копыт – конницу, по прерывистому лязганью металла – артиллерию и по непрерывному металлическому грохоту гусениц и резкому шуму моторов – танки и самоходки.

Уйдут разведчики и в глубину вражеских позиций и там, за много километров от переднего края фронта, поведут скрытое наблюдение за огневыми точками, живой силой и оборонительными сооружениями врага.

А пока войсковая разведка будет прощупывать передний край и тактическую глубину обороны противника, авиация углубится в его тылы, а радиоразведка тщательно и непрерывно будет следить за работой его засеченных радиостанций, их перемещением, исчезновением или появлением новых раций.

К вечеру через пункты сбора донесений, через посыльных и нарочных стекутся в штаб армии письменные донесения, схемы, карты, аэрофотоснимки, шифровки. И тогда штабные офицеры-разведчики примутся наносить все это на карту, тщательно сопоставляя свежие сведения с уже имеющимися и определяя степень их достоверности.

Постепенно такая карта густо покроется графическими символами фортификационных сооружений, артиллерийских позиций, огневых точек и минных полей. Впишутся номера новых вражеских частей, переместятся старые. Беспрерывно меняющаяся обстановка на карте еще энергичнее придет в движение. Она дополнится и уточнится с каждым телефонным звонком, с каждым вновь полученным донесением. Напряженным, лихорадочным пульсом войны забегают по карте цветные карандаши офицеров-разведчиков нанося всё новые и новые условные знаки.

Обычно разведсводка бывает готова к вечеру. Однако в этот день еще задолго до установленного срока начальник разведки штаба армии доложил командарму, что перед фронтом армии противник пришел в движение.

- Что же это – перегруппировка? – спросил его командарм.
- Части противника перемещаются почти без соблюдения обычных мер маскировки, – отвечал начальник разведки. – Похоже, что противник встревожен чем-то и спешит усилить свою оборону.

Фото пленка Кедровой

В тот же день генерал Погодин срочно вызвал к себе Астахова. Аудиенция была предельно короткой, но капитан Астахов был не только удовлетворен ею – он был счастлив.

Генерал принял его, как обычно. Ни одним словом не высказал он своего одобрения, но по выражению его лица, по интонации голоса и по многим другим почти неуловимым признакам капитан понял, что генерал им доволен.

Командарм не только одобрил поданную им мысль, но и осуществил ее. И вот теперь официальные данные разведки со всей убедительностью объективных фактов подтверждали идею Астахова. Противник, оказывается, уже принимает контрмеры против вчера только разработанной штабом армии фиктивной наступательной операции.

Это была почти победа, но капитан воспринимал ее не как свое личное торжество, а как торжество логики, в которую он так верил и без которой не представлял себе разумной деятельности.

Выйдя от генерала и направляясь к себе, Астахов несколько поостыл и стал рассуждать спокойнее. И тут он понял, что повод к торжеству еще слишком незначителен. По сути дела, все осталось по-прежнему и до решения основного вопроса еще очень далеко. Но все-таки круг, в котором находилось порочное звено, сузился, и сузился не произвольно, не случайно, а вследствие специально проведенного разумного действия. Значит, если и дальше действовать в какой-то логической последовательности, то будет найдено и окончательное решение.

Рассуждая таким образом, капитан пробирался по узкому, скользкому от грязи дощатому настилу вдоль улицы поселка, в котором был расположен штаб армии. До домика контрразведчиков было уже недалеко, когда из соседнего переулка неожиданно вышел майор Гришин и направился навстречу капитану. Когда они поравнялись, Астахов хотел было доложить своему начальнику о посещении генерала, но майор перебил его.

– Все знаю, – сказал он. – Я только что от разведчиков. Похоже, что замысел ваш удался. Поздравляю! А теперь у меня к вам дело. Знаете ли вы, что у Кедровой имеется отличный фотоаппарат?

– Да, конечно. Она этого и не скрывает.

– Что у нее – наш «ФЭД» или какая-нибудь заграничная штука?

– Наш «ФЭД».

– Ну, а как Кедрова фотографирует?

– Имел удовольствие у нее фотографироваться. Могу доложить – фотограф она отличный.

Майор попросил у Астахова зажигалку. Прикуривая, сказал, понизив голос:

– Поинтересуйтесь-ка ее пленкой. Она проявляет ее в фотолаборатории армейской газеты. Найдите повод посмотреть ее негативы... Были вы сегодня в редакции?

– Нет, не был.

– Ну, так зайдите непременно.

Гришин кивнул капитану и завернул за угол. Астахов пересек грязную улицу и направился на окраину поселка. Однако он не прошел и трехсот метров, как увидел вдруг Кедрову. Она выходила из армейской столовой.

«В редакцию я еще успею, – решил капитан. – Нужно воспользоваться случаем и поговорить с Наташей».

– А, Наталья Михайловна! – весело воскликнул он. – Далеко путь держите?

– К себе в штаб.

– Ну так нам с вами по пути. Не возражаете, если я пройду с вами немножко?

– Ну, что вы, товарищ капитан! Пожалуйста!

Они пошли рядом. Капитан стал придумывать, как бы естественнее завести разговор на интересующую его тему. А Наташа, не глядя на Астахова, сказала:

– Знаете, товарищ капитан, когда меня называют по имени и отчеству, мне почему-то всегда кажется, что надо мной подшучивают.

– Почему так? – удивился Астахов.

– Не знаю. Лучше уж, по-моему, назвать просто по имени или по фамилии. В армии так больше принято.

– Похоже, что вы сегодня не в духе, – заметил капитан, пристально вглядываясь в утомленное лицо Наташи.

– Нет, я просто устала. Эти дни много приходится работать... А вы, кажется, в отличном настроении?

– Я всегда бываю в хорошем настроении, когда ясно понимаю, что происходит вокруг меня.

– Даже если плохое?

– Да, даже если плохое. Только я непременно должен разобраться во всем.

– Это удивительно! – С любопытством посмотрев на Астахова, Наташа улыбнулась и добавила: – Извините, но у вас очень самодовольный вид.

– Вы вообще, кажется, не очень-то лестного мнения о моей внешности, – усмехнулся Астахов, чувствуя, что ему приятно идти с Наташей и разговаривать с ней. – Хотелось бы взглянуть, – продолжал он, – каким я получился на вашей фотографии. Помните, вы щелкнули меня своим «ФЭДом» дней пять назад?

– Помнить-то помню, – ответила Наташа, – но пленку до сих пор не удалось проявить. Последние дни абсолютно нет свободного времени.

– А может быть, вы мне доверите эту операцию?

– Какую операцию? – не поняла Наташа.

– Да проявление пленки. Я в этом деле смыслю кое-что, так что можете не беспокоиться – не испорчу.

Наташа молчала.

– Пленка-то с вами, наверно? – спросил Астахов.

– Да, пленка со мной, но стоит ли утруждать вас? ... Я и сама скоро освобожусь.

Ей, видимо, не хотелось давать пленку Астахову, но он сумел настоять на своем, и она уступила.

– Дня через два, – весело заявил Астахов, – а то и раньше я верну вам все это в проявленном и отпечатанном виде. Можете быть спокойны.

– Да я и не беспокоюсь, – ответила Наташа.

Они были теперь возле дома Астахова, и он остановился в нерешительности – провожать девушку до ее штаба или попрощаться здесь.

– Ну, до свиданья, Наташа. Я работаю вот в том доме, – сказал он наконец, решив не провожать ее, так как она все равно стала бы возражать.

– До свиданья, – ответила Наташа и неторопливо пошла через огород мимо окон дома Астахова.

Капитан смотрел ей вслед, пока она не скрылась за углом соседнего сарая. Он вспомнил недавний разговор с Гришиным, и ему стало смешно, что он назвал тогда интерес свой к Наташе профессиональным интересом. Просто она ему нравилась. Было в ней что-то привлекательное, хотя он и не мог пока определить, что именно. Не внешность только. Ведь вот машинистка Валя гораздо красивее ее, однако к ней он совершенно равнодушен. Нет, в Наташе было что-то другое...

Астахов оставался у себя недолго. Он просмотрел несколько бумаг, принесенных из оперативного отдела его помощником, лейтенантом Ершовым, и собрался уже уходить, когда кто-

то робко постучал в его окно. Капитан вышел из-за стола и выглянул на улицу. Там, под окном, стояла Наташа.

– Заходите же, заходите! – крикнул он и, поспешив к дверям, распахнул их. – Прошу вас, Наташа!

Наташа вошла, смущенно улыбаясь.

– Извините, что беспокою вас, – сказала она. – Я отдала вам пленку, а потом вспомнила, что у меня там есть снимки, которые нужно срочно отпечатать. Я, пожалуй, сейчас же пойду в лабораторию и проявлю их. Могу я получить у вас пленку?

Наташа заметно волновалась, и это не ускользнуло от внимания Астахова.

«Почему же она волнуется так?» – подумал он и тут же принял неожиданное решение.

– Вот беда! – воскликнул он. – Вам определенно не повезло, Наташа. Я только что отослал пленку в нашу лабораторию для проявления. А что у вас за срочность такая?

– Да ничего особенного. – Наташа, казалось, взяла себя в руки и говорила теперь спокойно. – Раз уж вы ее отослали, ничего не поделаешь. Простите, что оторвала вас от работы...

Когда Наташа ушла, капитан вызвал лейтенанта Ершова, приказал ему отнести пленку в лабораторию и срочно проявить ее.

Отправив пленку, Астахов направился было к выходу, но в это время раздался телефонный звонок. Капитан подошел к телефону и снял трубку.

– Зайдите ко мне, – прозвучал строгий голос.

Это был голос генерала Погодина.

Ход генерала Погодина

– Садитесь, – сказал генерал. – Мне пришлось вторично вызвать вас, так как я получил новые, весьма важные сведения. Вам необходимо знать их.

У генерала Погодина почти всегда было строгое, озабоченное лицо. Астахов даже не смог бы, пожалуй, припомнить, видел ли он его когда-нибудь смеющимся. Но сегодня генерал был совершенно другим. Тяжелые складки на лбу разгладились, улыбка округлила губы, холодные серые глаза потеплели. Сейчас этот большой, очень требовательный и строгий человек казался необычайно добрым. Он достал из своей рабочей папки внеочередную разведсводку, что-то энергично подчеркнул в ней и протянул Астахову.

Пока капитан читал, генерал принялся перелистывать книгу, лежавшую у него на столе. Книга была нерусская и называлась «За стенами Федерального бюро расследования». Автором ее был Джон Дж. Флоэрти. При всей своей загруженности служебными делами генерал Погодин умудрялся не пропускать ни одной литературной новинки о разведке и контрразведке. Задолго до того, как появились русские переводы, он уже прочел на английском языке все нашумевшие книги Майкла Сейерса и Альберта Кана, Фредерика Коллинза и Алана Хинда.

Астахов прочел сводку и вернул генералу. Погодин положил ее в папку и спросил:

– Понимаете вы, в чем тут дело?

– Не совсем, товарищ генерал.

– Действительно, вы и не можете этого знать...

Генерал вышел из-за стола и, неслышно ступая, стал прохаживаться по комнате, заложив руки за спину.

– А дело тут вот в чем. Подсказанная вами идея была безусловно удачна, но вы продумали ее только наполовину. Повторяю, идея была хороша, и вторую половину ее нетрудно было додумать и без вас. И я это сделал. Я решил, что нужно разработать фиктивную операцию не только ограниченному кругу офицеров и генералов, но дать также каждому отделу штаба разную обстановку и группировку войск.

Генерал замолчал, продолжая прохаживаться по комнате, а Астахов невольно подумал: «Как же я – то этого не сообразил? Ведь это же так просто и к тому же почти решает основной вопрос!...»

– И вот теперь мы имеем плоды этой идеи, – продолжал генерал после короткой паузы. – Днем нам было известно только то, что противник принимает какие-то контрмеры. А теперь мы уже точно знаем, что он принимает контрмеры соответственно плану, разработанному штабом инженерных войск. Понимаете теперь, в чем дело? Понимаете, какой вывод из этого нужно сделать?

– Да, товарищ генерал. Если это так, то несомненно, что в штабе инженерных войск что-то неблагополучно, – ответил Астахов.

– В этом теперь не может быть сомнений. Были вы сегодня в штабе Тихомирова?

– Нет, товарищ генерал.

– Не теряйте времени и зайдите сегодня же. Мы должны принять срочные меры. Постарайтесь узнать, точно ли только генерал Тихомиров и полковник Белов занимались разработкой операции или в этом участвовал еще кто-нибудь из работников штаба.

Проявленные негативы

Когда капитан Астахов вошел в землянку штаба инженерных войск, там царило необычное оживление. Присмотревшись, он заметил, что в штабе были все три помощника, начальник секретной части и старший сержант Яценко.

– Что это у вас такое веселье? – спросил Астахов.

– У нас сегодня первый в этом месяце мало-мальски свободный вечер, – ответил майор Рахманов. – Вот мы и посветили его обмену боевыми воспоминаниями. Ваша очередь рассказывать, капитан Астахов. У вас-то, наверно, найдутся интересные истории.

– Найдись-то найдутся, – усмехнулся Астахов, – но, к сожалению, они не подлежат оглашению.

– Вроде как бы с грифом «совершенно секретно», – с уважением заметил старший сержант Яценко.

– Вот именно! – рассмеялся Астахов. – Расскажу вам поэтому то, что, так сказать, «для служебного пользования».

И он рассказал случайно пришедшую на память историю о немецком шпионе, которого разоблачил в самом начале войны.

Отделавшись таким образом, капитан присел возле стола старшего сержанта Яценко, заметив:

– У вас всегда все так заняты, а сегодня просто праздник какой-то.

– А это потому, товарищ капитан, – отозвался Яценко, – что работы мало, да к тому же и начальство отдыхает.

– Какое начальство?

– Генерал и полковник. Они больше суток работали без отдыха.

– А что, Кедрова тоже разве отдыхает? – спросил Астахов. – Не видно ее что-то.

– Да, и она отдыхает. Ей тоже в эти дни досталось. В два часа ночи легла, а в пять утра полковник уже велел ее разбудить – надпись на карте делать.

– На какой карте?

– На карте инженерного обеспечения. Полковник лично всю ночь над нею работал. Очень уж секретная была. Он даже регистрировал ее сам. Я ему только очередной номер дал.

– А чертежницу-то как же он допустил?

– Очень просто: свернул карту до половины, а внизу велел надпись сделать, – охотно объяснил Яценко.

В штабе между тем продолжало царить оживление. Офицеры тут были молодые, веселые. Они понимали толк в удачной шутке, остром слове. Поболтав с ними о всякой всячине, капитан Астахов попрощался и ушел к себе.

Ершов как раз в это время принес из лаборатории проявленную пленку. Астахов взял ее, подошел к окну и с любопытством принялся рассматривать.

На пленке были фотографии офицеров штаба инженерных войск, мост, недавно построенный армейской саперной бригадой, землянка штаба инженерных войск, Яценко в нескольких позах и еще какие-то сержанты.

А в самом конце пленки оказались снимки двух топографических карт.

Астахов взял лупу и внимательно стал рассматривать их. На негативе одной из карт он совершенно отчетливо разобрал надпись: «Карта дорог и мостов в полосе армии». На снимке другой карты надпись трудно было разобрать, но по очертаниям ее, по условным обозначениям было несомненно, что и вторая карта была оперативной.

«Зачем ей это понадобилось?» – взволнованно подумал Астахов, но в это время быстро вошел майор Гришин.

– Одевайтесь, – торопливо сказал он. – Возьмите с собой оружие. Едем на серьезное задание. Выполнять сто будут корпусные работники, но генерал приказал нам при этом присутствовать. Машина уже ждет нас. Поторопитесь! Дорогой все объясню.

В зеленом квадрате

Дорогой майор Гришин рассказал, что связисты армии запеленговали работающую у нас в тылу подозрительную радиостанцию. Был точно установлен квадрат ее местонахождения, и вот теперь корпусная контрразведка должна была прочесать этот район.

В штаб корпуса прибыли поздним вечером. В темноте, среди мокрых колючих елей, долго искали землянку подполковника Соколова. Наконец наткнулись на часового, который грозно окликнул их. Майор назвал пропуск и спросил, как пройти к Соколову.

– Вот тут. Проходите влево.

Подполковник давно уже их ждал. На нем было кожаное пальто, полевая сумка и сигнальный электрический фонарь на поясе.

– Наконец-то! – с облегчением сказал он. – Последний сигнал рация подала полчаса назад. Местонахождение ее в квадрате 8596. Вот тут-Полковник ткнул пальцем в зеленый квадрат карты, развернутой на столе.

– Значит, в лесу, – заметил майор Гришин.

– Да, – подтвердил Соколов, – этот квадрат и все смежные – лес. Мои люди уже оцепили подозрительный район и никого отсюда не выпустят. Сейчас ночь. Боюсь, что темнота помешает нам... Может быть, подождать до рассвета?

– Нет, нет! – возразил Гришин. – Действовать нужно немедленно.

В лесу было непроглядно темно. Шли не разговаривая, с протянутыми вперед руками, натыкаясь на мокрые стволы деревьев. Часто останавливались, прислушиваясь. Вокруг все было тихо.

Вскоре окружение подозрительного участка настолько сузилось, что автоматчики могли бы взяться за руки и замкнуть круг. Однако в лесу по-прежнему было тихо; только ломкие ветки хвороста чуть слышно похрустывали под ногами солдат подполковника Соколова.

И вдруг где-то в центре оцепления вспыхнул тусклый отблеск света, идущего откуда-то снизу, будто из-под земли.

– Шире шаг! – прошептал подполковник.

И почти тотчас же раздавшийся дробный звук автоматной очереди невольно заставил людей остановиться.

Пули просвистели над их головами, слепо тыкаясь в стволы деревьев. За первой очередью последовала вторая уже в противоположном направлении. И тут послышался вдруг приглушенный стон раненого человека. Было несомненно, что ранен кто-то из автоматчиков Соколова.

– Я потребую, чтобы они сдались! – раздраженно заявил подполковник.

– Попробуйте, – откуда-то из темноты отозвался майор.

– Послушайте, вы! – крикнул Соколов. – Прекратите бесполезное сопротивление. Вы окружены!

В ответ грянуло еще несколько выстрелов, и Гришин вскрикнул. Астахов, бросившись на звук его голоса, успел подхватить ослабевшее тело майора.

– Я ранен в бедро! – прошептал Гришин.

– Ну, это уж верх наглости, черт бы их побрал! – обозлился подполковник и крикнул: – Вперед!

Из глубины окруженного участка снова кто-то выстрелил. Раздался чей-то приглушенный стон, проклятия и ответный выстрел.

– Не стрелять! – прохрипел майор Гришин. – Прикажите не стрелять, подполковник!

Но стрельба уже прекратилась сама собой. Снова все стало тихо. Два автоматчика взяли на руки раненого майора. Остальные медленно двинулись вперед.

– Сдавайтесь! – снова крикнул подполковник.

Люди прислушивались затаив дыхание и им показалось, что неподалеку кто-то хрипит.

– Зажечь свет! – скомандовал Соколов.

Несколько электрических фонарей осветило серые стволы сосен. Желтые конусы света побежали по усыпанной хвоей земле и остановились на темной фигуре человека, лежавшего навзничь. Голова его была в крови.

– Фельдшера! – крикнул подполковник.

Фельдшер подбежал к лежавшему на земле человеку и пощупал его пульс.

– Скверное дело, – сказал он. – Кажется, его песенка спета.

– Осмотреть все вокруг! – приказал подполковник и стал обыскивать раненого.

В кармане его оказались документы на имя Ивана Сидорова и чистая записная книжка.

Разочарованный результатами обыска, Астахов спустился на дно неглубокой ложбины, где уже были лейтенант и два автоматчика. В свете фонарей Астахов увидел землянку, из открытых дверей которой валил дым.

Капитан подошел ближе, заглянул внутрь.

– Он тут жег что-то, – сказал лейтенант, указывая на закопченный металлический остов ракеты и небольшую грудку пепла, лежавшую на земле.

Астахов опустился на колени и осторожно стал перебирать пепел. Плотная бумага хотя и сгорела, но не вся еще рассыпалась. На некоторых листках ее можно было разобрать следы написанного. Капитан хотел аккуратно сложить их в планшетку и взять с собой, но, побоявшись, что они дорогой рассыпятся, решил, что лучше переписать с них все сохранившиеся знаки.

Попросив несколько фонарей, он стал изучать ломкие листки пепла. Большая часть их была повреждена. Определить, были ли на них какие-нибудь знаки, не представлялось никакой возможности. Но и на сохранившихся листках, казалось, ничего не было написано. Только на одном из них была едва заметная группа цифр.

Капитан достал блокнот и аккуратно записал в него обнаруженные цифры. Он не сомневался, что это была шифрограмма.

Дальнейшие поиски не дали никаких результатов, и подполковник Соколов приказал собираться в обратный путь. Майора Гришина еще раньше отправили в корпусную санитарную часть.

Когда подполковник с Астаховым садились в машину, фельдшер доложил, что раненый радист умер, не приходя в сознание.

Неужели Наташа?

Генерал Погодин, когда капитан Астахов доложил ему результаты ночной операции, приказал тщательно разобраться в найденной записной книжке и цифрах, обнаруженных на пепле, и доложить результаты вторично.

Астахов передал переписанные им цифры в шифровальный отдел, а записную книжку принялся изучать сам. Страницы ее были совершенно чистыми, только на одной было что-то написано и стерто.

Зная, что почти все шпионы прибегают к симпатическим чернилам и что в большинстве случаев чернила эти становятся видимыми под действием тепла, Астахов решил подвергнуть записную книжку нагреванию. Под влиянием тепла текст, написанный симпатическими чернилами из раствора свинцового сахара становится черным, из азотнокислой меди – красным, из азотнокислого никеля – зеленым, а из сока луковицы – ярко-коричневым. Может быть, и эта записная книжка исписана такими чернилами?

Нагрев утюг, капитан прогладил им каждую страницу, но это не вызвало никакой реакции. После такой неудачи Астахов уже не решился проделать подобный же опыт над найденными между страницами записной книжки плотными кусочками бумаги, непрозрачными на свет. Он решил передать их вместе с записной книжкой в лабораторию.

На благоприятный исход анализа, так же, впрочем, как и на дешифрирование цифр, обнаруженных на бумажном пепле, он почти не надеялся. Вообще положение теперь представлялось ему осложнившимся. И виной всему он считал неудачу ночной операции, в результате которой был убит вражеский радист. Показания его могли бы пролить свет на многое, так как Астахов почти не сомневался, что между таинственным проникновением секретных сведений за пределы штаба инженерных войск и этим подозрительным радистом существовала какая-то связь.

Весь день капитан строил разнообразные догадки, однако все они казались шаткими, неубедительными. Для построения стройной гипотезы были необходимы бесспорные фактические данные, а их пока не имелось.

Приходилось набраться терпения и ждать результатов раскодирования шифра и лабораторного анализа.

Вечером капитан направился наконец к шифровальщикам. По веселому виду подполковника Глебова, руководившего работой шифровальщиков, Астахов догадался, что им удалось добиться успеха. До войны Глебов был профессором математики в Московском университете и теперь блестяще разгадывал самые хитроумные коды радиogramм противника.

– Шифровку вашу мы раскодировали, – заявил Глебов. – В ней нет полного текста, но из того, что вы дали нам, получилось примерно следующее: «Нет четкости... увеличьте усилие...»

Астахов долго размышлял над этими отрывочными словами, но понять, что они означали, не мог.

В лаборатории его ожидала еще большая неожиданность. На одном из кусочков желтой бумаги, переданной им для анализа, оказался снимок топографической карты с нанесенной обстановкой.

Астахов завернул отпечаток карты в бумагу и забрал с собой. Дома с помощью лупы, к немалому своему удивлению, он обнаружил, что это был снимок карты инженерного обеспечения последней (фиктивной) армейской операции.

«Что же это такое? – взволнованно подумал капитан. – Как попал к радисту этот снимок?»

И вдруг вспыхнуло мрачное подозрение... Он вспомнил фотопленку Кедровой с изображением оперативных карт. Вспомнил, что Кедрова имела некоторое отношение и к послед-

ней карте инженерного обеспечения, над которой работал полковник Белов. Правда, она, по словам Яценко, сделала только надпись на карте. Но ведь в штабе тогда никого не было, а полковник мог отлучиться на несколько минут. Разве не имела она возможность щелкнуть в это время затвором фотоаппарата?

Все самым неприятным образом складывалось против чертежницы, и все-таки Астахов не мог допустить измены с ее стороны. Капитан был уверен, что к предательству должны быть особые причины, у Кедровой же он не находил и намека на них. Она была дочерью рабочего, мастера одного из московских военных заводов. Старший брат ее, кадровый офицер, командовал гвардейским артиллерийским полком. Сама Наташа – комсомолка, училась два года в Архитектурном институте, добровольно пошла на фронт.

Астахов часто встречался с Кедровой в штабе инженерных войск и в армейском Доме Красной Армии на киносеансах и в концертах, много беседовал с ней, и хотя, может быть, не все ему было понятно в ее вкусах, в благонадежности ее он никогда не сомневался.

И все-таки теперь он должен был заподозрить эту девушку...

Явившись с докладом к генералу, он высказал ему свои подозрения.

– Сможете вы окольным путем узнать, отлучался ли полковник Белов, когда Кедрова делала надпись на карте? – спросил генерал. – Мне бы не хотелось до поры до времени вести с ним официальный разговор на эту тему. – Будет выполнено, товарищ генерал! – отвечал Астахов.

Неожиданное посещение

Капитан зашел в штаб инженерных войск в обеденное время. Все офицеры ушли в столовую. За перегородкой секретной части дремал, положив голову на пухлую папку, старший сержант Яценко.

– Здравствуйте, товарищ Яценко! – весело приветствовал его Астахов.

– Здравия желаю, товарищ капитан! – встрепенулся Яценко.

– Где же начальство?

– Обедает.

Астахов прошелся по землянке, рассматривая развешанные по стенам карты и плакаты.

– Похоже, что вы здорово недосыпаете, товарищ Яценко? – сказал он. – Уж очень вид у вас измученный.

– Так точно, товарищ капитан, нормального сна давно не имею. Дождаться бы только, когда война кончится, – целый бы год тогда отсыпался!

– Что и говорить, нелегко вам приходится, – посочувствовал Астахов. – Но ведь сейчас всем достается. Надо полагать, что и начальство тоже недосыпает? Вот полковник Белов, к примеру?

– Так точно, полковник Белов определенно недосыпает. Тоже, вроде меня, иногда на ходу спит. Сам видел. Позавчера ночью, например. Сначала еще ничего, пока он сам над картой работал, а когда уже все готово было и Наташа надпись стала делать, так форменным образом клевать стал. Меня тоже здорово ко сну клонило. Я даже выходил раза два на свежий воздух, чтобы не заснуть. Одна Наташа только бодрствовала. Вот, знаете ли, у кого железная выдержка!

– Выносливая? – спросил капитан.

– Исключительно выносливая. Двое суток свободно может без сна обходиться. Вообще, знаете ли, редкостная девушка...

Он хотел добавить еще что-то, но, заметив ироническую улыбку капитана, смутился и покраснел.

«Похоже, что влюблен в нее парень», – подумал капитан, собираясь уходить.

– Ну, счастливо оставаться, товарищ Яценко. Зайду к вам попозже.

«Что же получается? – думал Астахов, выбравшись из землянки. – Все факты не в ее пользу. Неужели я должен заподозрить ее? Но тогда я отказываюсь понимать что-нибудь...»

Расстроенный, шел капитан по деревянному настилу улицы, никого не замечая: генерал, узнав все собранные им факты, пожалуй, может приказать арестовать Кедрову. Факты эти вызывают, конечно, подозрения, но внутренней уверенности в виновности Кедровой у Астахова все еще не было.

Задумчиво подошел капитан к своему дому и вдруг увидел у дверей Кедрову. Это было так неожиданно, что он забыл даже поздороваться и смотрел на девушку с явным недоумением.

Наташа, видимо, тоже была чем-то сильно расстроена.

– Здравствуйте, товарищ капитан! – взволнованно сказала она. – Прошу извинить, что беспокою вас, но у меня серьезное дело. Я уже была у вас час назад, но не застала...

– Если дело серьезное, прошу зайти, – сказал Астахов, стараясь не глядеть на Кедрову, и, открыв дверь, пропустил ее вперед.

Пригласив девушку сесть, капитан холодным, официальным тоном сказал:

– Слушаю вас.

– Видите ли, – смущенно начала Наташа, – позавчера я ошибочно передала вам не ту пленку, на которой сфотографированы вы, а совсем другую... на которой засняты мной две оперативные инженерные карты.

Астахов притворился удивленным:

– Оперативные карты? Для чего понадобилось вам делать такие снимки?

– Я выполняла приказание полковника Белова и сфотографировала их для штабного фотоальбома.

Наташа отвечала теперь совершенно твердо. От недавнего замешательства ее не осталось и следа.

Астахов, теряясь в догадках, спросил строго:

– Почему же вы не сообщили мне об этом раньше?

– Да ведь я же объяснила вам только что, товарищ капитан, что ошиблась. Я не была уверена, что карты именно на этой пленке. По моим расчетам, они должны были находиться на другой пленке. Но вот только что я разрядила вторую кассету и поняла, что ошиблась.

Похоже, что дело было именно так. Кедрова не решилась бы выдумать все это – он ведь мог тотчас же снять телефонную трубку и выяснить все у Белова. Ну да, по всему было видно, что она говорила правду. Капитан стал понемногу успокаиваться. Однако, продолжая разговор с Наташей, он все еще хмурился.

– Почему вы носите с собой эти негативы? – спросил он.

Тон, которым капитан задавал Наташе вопросы, создавал впечатление официального допроса. Наташа почувствовала это, удивленно посмотрела на него и спросила, в свою очередь:

– А вы уже проявили мою пленку, товарищ капитан?

Астахов, решив, что целесообразнее не говорить пока правду, ответил:

– Я был занят все эти дни и не мог выбрать время, чтобы зайти в нашу фотолабораторию.

Капитану показалось, что Кедрова облегченно вздохнула:

– Тогда я объясню вам, в чем дело, – сказала она. – Карты эти, видите ли, сфотографировала я на пленку, на которой еще раньше были сделаны другие снимки... В штабе у нас, как вы знаете, нет фотолаборатории, и поэтому я вынуждена была брать их с собой, чтобы проявлять и печатать в лаборатории армейской газеты. Кроме того, сфотографированные мной карты – прошлогодние.

– Зачем же вы, в таком случае, пришли заявить мне о них?

– Я сделала это потому, что на картах стоит гриф «секретно», хотя все нанесенные на них данные перестали быть секретными, – спокойно ответила Наташа.

Астахов задумался. Формально получалось, что за Кедровой не было никакой вины. Но почему же она была так взволнована в начале их разговора? Склонному теперь к подозрительности Астахову то казалось, что это неспроста, то, напротив, представлялось лишним подтверждением ее невиновности. Чтобы несколько разрядить обстановку, он пошутил:

– А я – то думал, что вы пришли ко мне каяться в страшном преступлении. Можете не беспокоиться – ваша пленка у меня, как в несгораемом шкафу. Не сегодня, так завтра я возвращу ее вам.

Пожав Наташе руку, Астахов с облегчением отпустил девушку. Спустя полчаса он отправился на доклад к генералу Погодину.

Положение осложняется

Выслушав Астахова, Погодин спокойно заметил:

– Я всегда считаю с субъективными ощущениями, однако отдаю предпочтение объективным фактам. Ваша убежденность в невинности Кедровой ничем, по сути дела, не подтверждена, кроме разве биографических данных, так что, в общем, я отношу это за счет ваших чисто субъективных впечатлений. Не подозревать Кедрову мы не имеем права. В создавшейся обстановке она, конечно, имела возможность сфотографировать карту инженерного обеспечения нашей фиктивной операции.

Генерал внимательно и, как показалось Астахову, сурово посмотрел на него и заключил:

– Мое решение следующее: вы немедленно связываетесь с полковником Беловым и выясняете, действительно ли он поручал Кедровой фотографировать карты для фотоальбома. Если поручал, дело усложняется, если нет, немедленно арестуйте ее. По некоторым причинам я вынужден торопиться. Всё! Действуйте, товарищ капитан.

Астахов вышел от генерала с самыми мрачными мыслями.

Ему почему-то показалось, что генерал почувствовал в его словах личную заинтересованность в судьбе Кедровой. Под влиянием этих подозрений Астахов решил на этот раз исполнить свой долг особенно тщательно и беспристрастно.

Однако это было не так-то просто. Он хорошо понимал, что мог ошибиться, что нельзя доверять голосу чувства, и все-таки не мог заглушить этого голоса, не мог не считаться с ним. Он, конечно, исполнит свой долг, но теперь ему будет нелегко заглушить в себе какое-то новое чувство, смутное и волнующее...

Явившись в штаб инженерных войск и застав полковника Белова в его землянке, капитан хотел сразу же приступить к делу, но полковник опередил его.

– По вашему мрачному и решительному виду, – заявил он, – чувствую, что вы зашли ко мне неспроста. Наверно, не ошибусь, если предположу, что вас интересует пленка с негативами двух оперативных карт, сфотографированных Кедровой. Так?

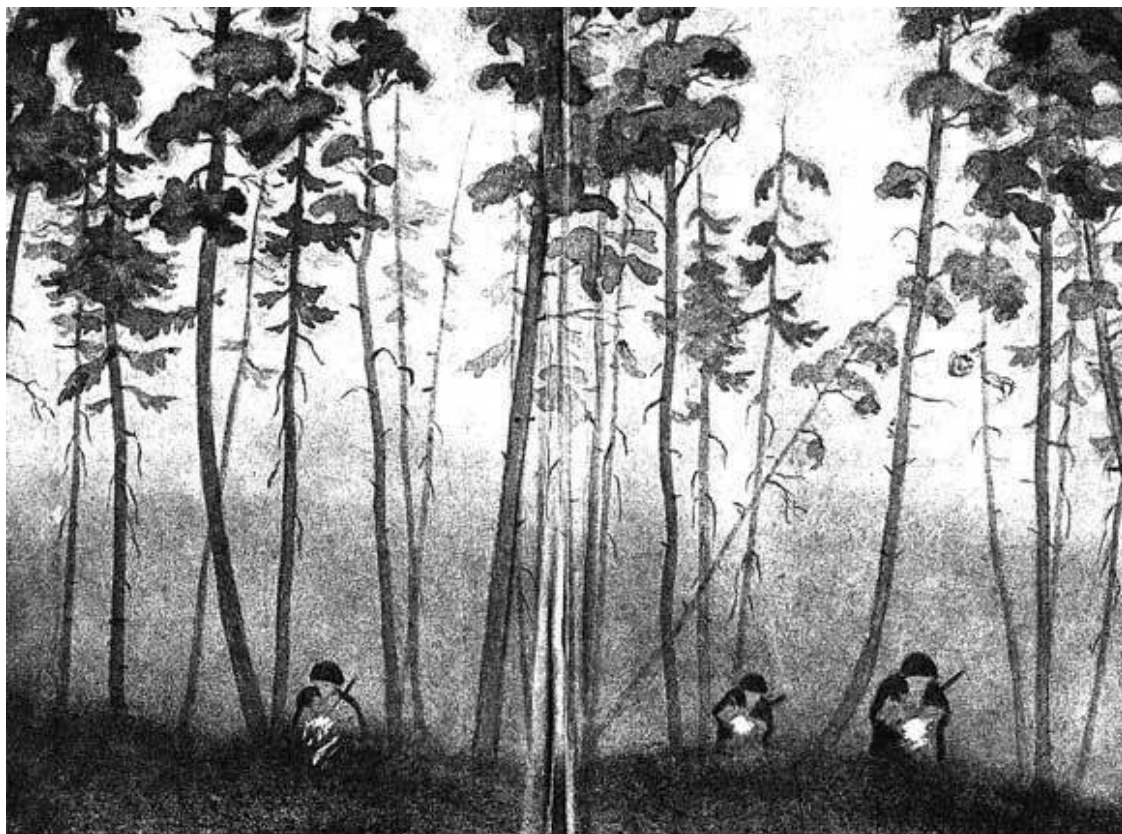
– Так.

– Удивляетесь? ... Не удивляйтесь – я еще не научился читать чужие мысли. Просто Кедрова была у меня только что и сама обо всем доложила. Страшного ничего нет. Я действительно поручил ей сфотографировать несколько старых карт для штабного фотоальбома.

Внутреннее чувство подсказало Астахову, что это именно так и должно быть, но он понимал, что торжествовать рано. Он все еще не имел права снять подозрение с Наташи...

Но тут неожиданно мелькнувшая догадка сразу изменила весь ход его мыслей. Он торопливо попрощался с полковником и поспешил в свое отделение. Достав из секретного ящика карту, обнаруженную у убитого радиста, капитан принялся тщательно изучать ее через сильную лупу.

– Ну да, так оно и есть! – воскликнул он. – Как же я сразу не сообразил! Это же чертовски важное открытие!

Астахов поспешил к телефону. Вызвав адъютанта Погодина, он попросил его доложить генералу, что имеет донести нечто чрезвычайно важное. Погодин был занят чем-то, и адъютант не сразу смог попасть к нему. Наконец он позвонил капитану и сообщил, что генерал ждет его. Капитан торопливо накинул шинель и поспешил к Погодину.

– Ну, что у вас нового? – спросил генерал Астахова, когда тот явился.

– Я только что тщательно изучил снимок карты... – начал было Астахов.

Но генерал перебил его:

– ...и обнаружил на ней подписи Тихомирова и Белова?

– Так точно, товарищ генерал, – удивленно подтвердил капитан.

– Когда вы отдали желтый клочок бумаги на анализ в лабораторию, – объяснил Погодин, – я велел после проявления его изготовить для вас копию, подлинник же забрал себе. Выслушав же ваш доклад о подозрениях, невольно падавших на Кедрову, я снова тщательно изучил этот документ. Наличие подписи на снимке карты ставит Кедрову вне подозрений. Она ведь не могла сфотографировать карту после того, как ее подписали генерал и полковник. По словам полковника Белова, карта после подписания ее генералом Тихомировым пролежала на чертежном столе всего несколько секунд. При этом в штабе никого, кроме Тихомирова и Белова, не было.

Генерал нервным движением достал из коробки папиросу и, сунув ее в рот, зажал зубами, забыв закурить. Встав из-за стола, он медленно принялся прохаживаться по комнате. Астахов никогда еще не видел его таким взволнованным. Видно, на фронте замышлялось что-то серьезное.

– Положение, как вы видите, чрезвычайно затруднительное, – продолжал генерал. – И оно еще более усложняется тем обстоятельством, что с завтрашнего дня начнется подготовка операции фронтового масштаба. Командарм только что вернулся из штаба фронта. Он докладывал там о создавшейся обстановке, но командующий фронтом своего решения отменять не

стал. Нам же приказано срочно ликвидировать источник информации противника. Понимаете теперь, каково положение?

Круг суживается

Астахов испытывал странное, противоречивое чувство. С одной стороны, он не мог не сознавать, что в связи со снятием подозрения с Наташи наметившийся след потерян, что опять придется блуждать в темноте, пробираясь вперед ощупью. Но, с другой стороны, он был рад за Наташу, и в этом ощущении была не только удовлетворенность, но и глубокая заинтересованность в судьбе девушки.

Теперь все приходилось начинать заново, но это не пугало капитана, напротив – он с еще большим рвением готов был взяться за работу. Он никогда еще не чувствовал себя более бодрым и деятельным.

Капитан решил было тотчас же приняться за работу, но вспомнил, что еще не завтракал. Есть не хотелось, но он все же поспешил в столовую, чтобы не нарушать своего обычного распорядка дня.

Возвращаясь к себе, капитан увидел вдалеке женскую фигуру, идущую ему навстречу. Сердце подсказало ему, что это Наташа. Заметив его, она, казалось, хотела было перейти на другую сторону улицы, но Астахов ускорил шаги и окликнул девушку.

Наташа остановилась и холодно поздоровалась.

– Что у вас такой кислый вид? – весело спросил капитан. – К тому же такие воспаленные глаза, будто вы плакали.

Кедрова усмехнулась:

– Не имею обыкновения плакать, товарищ капитан. Да и отчего плакать? А вы всё подшучиваете надо мной.

– Ну что вы, Наташа! Никогда не позволю себе этого ни над кем, тем более над вами...

Девушка удивленно посмотрела на него и спросила:

– Разве я для вас составляю какое-нибудь исключение?

Астахов смутился.

– Да, – негромко сказал он. – Составляете...

Наташа вдруг заторопилась:

– Я очень спешу, товарищ капитан. Работы сегодня много...

– Ну, у вас вечно много работы! – засмеялся Астахов. – Вот возьмите-ка лучше вашу пленку. Как видите, проявлена она по всем правилам. Все негативы контрастные.

Наташа протянула руку за пленкой и впервые улыбнулась:

– Вот за это спасибо! А то мне за нее уже досталось от полковника. Ну, я пойду, товарищ капитан!

Она крепко пожала руку Астахову и поспешила в штаб.

Астахов с новой энергией взялся за работу. Он снова принялся рассматривать раскодированную шифrogramму, но ее короткий текст, так же как и прежде, не объяснил ему, о чем идет речь. Он не допускал возможности условного смысла этих слов, ибо их тогда незачем было передавать кодом. Но что означает это «усилие»?

Отложив в сторону шифrogramму, капитан попытался подвести итог достигнутому за эти дни, и он оказался не таким уж жалким, как представлялось Астахову вначале. Круг, в котором было порочное звено, все более суживался. Если еще совсем недавно его площадь лежала где-то в пределах штаба армии, то теперь она сократилась до пределов штаба инженерных войск, а сегодня уже ограничилась штабной землянкой. Известно стало и время фотографирования карты: оно было в пределах всего лишь нескольких секунд, в течение которых карта лежала на чертежном столе после ее подписания. Но как и кто мог ее сфотографировать?

На мгновение закралось подозрение: не в землянке ли дело? Ведь штаб инженерных войск размещен в помещении, которое раньше занимал штаб фашистского полка. Но он тут

же отверг эту мысль, так как вспомнил, что сам тщательно обследовал эту землянку вместе со старшим помощником Белова еще до размещения в ней штаба инженерных войск. Нужно было, значит, искать разгадку в чем-то другом...

Капитан знал, что раскрытием секрета немецкой информации занимается не только он один. Над этим работали все старшие офицеры отдела генерала Погодина. Среди них были люди значительно опытнее его, молодого офицера, однако это не мешало капитану считать себя главным лицом, от которого зависел успех или неуспех дела.

Эта убежденность побуждала Астахова к самой энергичной деятельности, и он жил теперь только одной мыслью – найти источник немецкой информации.

В этом желании не было ничего эгоистичного. Он просто страстно желал помочь командованию сохранить тайну готовящейся операции, помочь выиграть эту операцию.

Чертежный столик

Утром следующего дня капитан Астахов пришел в штаб инженерных войск с намерением самым тщательным образом осмотреть чертежный стол Кедровой. В штабе было оживленно. Полковник Белов, обычно работавший в своей землянке, сидел за столом старшего помощника. Остальные офицеры тоже были в сборе и усердно рылись в пухлых делах и справочниках. Кедрова за высоким чертежным столом переписывала какой-то график.

– Что это у вас сегодня с самого утра такое оживление? – поздоровавшись, спросил Астахов полковника. – Ведь вы же привыкли ночами работать.

– На фронте затишье, – отвечал полковник, – велено боевой подготовкой заниматься. Вот составляем план-программу. Но вы-то, конечно, знаете, в чем дело? – добавил он, понизив голос.

Да, капитан знал, в чем дело. Он знал, что с утра уже началась подготовка к новой крупной операции фронтового масштаба, но штабам было категорически запрещено говорить об этом. С этого дня не разрешалась телефонная, телеграфная и радиосвязь с войсками по оперативным вопросам. Большинство телефонов, связывающих отделы армии с корпусами и дивизиями, также было выключено. Запрещалось пользоваться рациями. Разговаривать с войсками позволялось только по вопросам боевой подготовки. Необходимо было создать у противника впечатление перехода армии к длительной обороне.

– У меня к вам просьба, товарищ полковник, – сказал Астахов, подсаживаясь к столу Белова. – Я хочу попросить схему вашего чертежного столика. Мы собираемся себе такой же соорудить. Мне кажется чрезвычайно удобной его конструкция.

– Пожалуйста, он у нас не засекреченный, – пошутил полковник. – Обратитесь к Наташе, это ее изобретение.

Капитан подошел к Наташе:

– А вы не возражаете, Наташа? Не боитесь, что я присвою ваше изобретение?

– Вряд ли вы на него польститесь, – засмеялась Наташа. – Это ведь далеко не шедевр конструкторской мысли.

– А мне и не нужно шедевра. Стол ваш прельщает меня своей портативностью. Он ведь разбирается?

– Да, разбирается. Могу продемонстрировать... Помогите-ка мне, товарищ Яценко.

– Нет, нет, товарищ Яценко, – возразил Астахов. – Занимайтесь своим делом, я сам помогу Наташе.

Вместе с Наташей он быстро разобрал чертежный столик и внимательно осмотрел его детали. Все было естественно, очень просто и удобно.

– Отличный столик! – похвалил Астахов. – Надеюсь, вы дадите мне его чертеж?

– Да, конечно. Сегодня вечером сделаю.

Когда капитан Астахов попрощался, к Наташе подошел старший сержант Яценко и шепнул:

– Что-то уж очень стал интересоваться тобой капитан... Ему этот столик нужен, как мне бальное платье. Не собирается ли он за тобой ухаживать?

– Ну, что ты, Остап, чушь какую-то мелешь! – недовольно возразила Наташа и вдруг со страхом почувствовала, что краснеет.

Войска идут к фронту

Вечером, когда Астахов, по заданию генерала Погодина, выехал в штаб фронта, все основные дороги были забиты артиллерией, танками и пехотой. Под прикрытием ночи в район предстоящих крупных операций стягивались войска. Спокойные, почти безлюдные днем дороги ожили.

Мощный шум моторов, лязг металла, ржание лошадей, человеческие голоса – все слилось теперь в сплошной глухой шум.

Астахов всегда любил наблюдать эти ночные передвижения войск, полные затаенной могучей силы. Люди, моторы, орудия – все тут было подчинено единой непреклонной воле. Ею все соединялось, все цементировалось, все направлялось в одну точку. И даже тогда, когда танкисты шли в пункт А, артиллеристы – в пункт Б, а пехота – в пункт В, все они шли к одной общей цели.

Проникнутые той чудодейственной силой, которая в военных приказах именовалась волей к победе, советские войска неумоимо шли, ехали, плыли и летели, вытаскивая из непролазной грязи машины, биением собственного сердца оживляя заглухшие моторы.

Машина Астахова лавировала между танковыми громадами, всползала на крутые подъемы, уваливала от страшных гусеничных тягачей и самоходок, осторожно огибала неумоимую, всюду поспевающую пехоту.

Астахов знал, что вся эта кипучая, напряженная ночная жизнь прекратится с первыми лучами рассвета. Неумолимые регулировщики перечеркнут дороги шлагбаумами и без специального пропуска не выпустят за их пределы ни одной машины, ни одной живой души. Все уйдет тогда в лес, обрастет искусственными насаждениями, зароется в землю. Заботливые руки укроют густыми ветвями стволы орудий, составят в козлы винтовки, освободят от седел коней. Остынут в густой тени деревьев горячие тела машин. На траве, на шинелях, на плащ-накидках разлягутся уставшие люди. Все заснет, притаится от хищного взгляда воздушной разведки противника, и все внешне будет казаться спокойным, неизменным, ничем не угрожающим.

А где-то там, на других участках, откуда ушли уже многие части, где все перешло к жесткой обороне, саперы станут имитировать оживление. По ночам будут загораться многочисленные костры, грохотать моторы грузовиков со снятыми глушителями, а днем будут перетаскиваться на просматриваемых участках фронта макеты танков и артиллерийских орудий.

Астахов хорошо знал всю эту многообразную военную хитрость, неистощимую выдумку и напряженную, никогда не прекращающуюся деятельность. Он любил эту тяжелую, суровую, полную опасности жизнь, требующую хороших мускулов, выдержки, мужества и ума. Здесь не было ни дня, ни ночи, тут были лишь двадцать четыре часа, одинаково заполненные напряженной деятельностью. Здесь не было скидок на времена года, хотя и тут совершался их неизменный круговорот. Весна с ее паводками и половодьями, лето с жарой и засухой, осень с дождями, зима с морозами и снежными заносами – ничто не могло сломить волю советских воинов.

Любовь к Родине и лютая ненависть к врагам делали их неумоимыми.

Астахов знал, что спустя еще несколько дней советские войска придут в район сосредоточения и станут занимать исходные позиции. На них будут падать снаряды и бомбы противника, но вновь прибывшие части ничем не выдадут своего присутствия, не ответят на выстрелы, не обстреляют самолеты: противник до конца, до грозного сигнала атаки, должен считать, что имеет дело только с прежними частями.

Но когда вылезут на передний край саперы и, делая вид, что минируют свои подступы, на самом деле станут проделывать проходы в минных полях для готовящихся ринуться вперед войск, когда в ночь перед наступлением поползут они к минным полям противника и, распла-

ставшись под мигающим, недоверчивым оком ракеты, будут затем в непроглядной мгле снимать вражеские мины, – тогда все вылезет из-под земли, застынет в напряженном ожидании.

Зная эту почти титаническую работу по подготовке к наступлению, все сложнейшие этапы ее, Астахов мучительно остро сознавал свою ответственность, ибо не только его начальники, но и он лично должен был обеспечить сохранение тайны оперативных замыслов советского командования, не допустить проникновения сведений об этих замыслах к противнику. Он гордился этой ответственностью и был глубоко убежден, что именно в этой борьбе за сохранение военной тайны было его настоящее призвание, требующее предельного напряжения ума и чувств.

Еще одно звено

Астахов возвратился в штаб армии на следующий день утром. Капитан не сомкнул глаз всю ночь, и, хотя генерал отпустил его отдохнуть до обеда, он и не думал ложиться спать. Перекусив наскоро, капитан поспешил в штаб инженерных войск за чертежом, который должна была приготовить для него Кедрова.

Астахов застал ее в штабе одну. Офицеры ушли на совещание к начальнику штаба, и даже Яценко вышел куда-то.

– Приветствую вас, Наташа! – улыбнулся ей капитан. – Надеюсь, вы сдержали обещание?

– Да, конечно, товарищ капитан. Чертеж был готов еще вчера вечером.

Кедрова протянула Астахову лист плотной бумаги, на котором был очень тщательно исполненный чертеж.

– Вот, пожалуйста, – сказала она.

– Спасибо, спасибо! – Астахов с удовольствием пожал Наташину руку, показавшуюся ему очень холодной.

– Почему вы так подозрительно смотрите на меня, товарищ капитан? – спросила Наташа, смущенная не столько этим пожатием, сколько пристальным взглядом Астахова.

– Меня глаза ваши удивляют. Но не смущайтесь, это не в порядке комплимента – я не специалист по этой части... У вас просто очень усталые глаза.

– Вы, кажется, второй раз уже об этом говорите... У меня в самом деле переутомлены глаза. И это все от лампочки, наверно. – Наташа указала на висящую над чертежным столом лампочку.

– Что же, она очень тусклая или слишком яркая? – спросил Астахов.

– Исключительно яркая. От этого и болят у меня глаза. Я ведь больше ночами работаю...

Поговорив с Наташей еще немного, Астахов попрощался.

Неподалеку от своего дома он встретил лейтенанта Ершова и приказал ему поинтересоваться электриком штаба инженерных войск.

Возвратившись к себе, капитан с удивлением увидел за своим столом генерала Погодина. Генерал сидел без шинели и, судя по окуркам в пепельнице, был здесь уже давно. Перед ним лежала его рабочая папка с документами.

– Вот пришел вас проведать, – пошутил он. – Интересуюсь вашими бытовыми условиями. Что же вы стоите? Раздевайтесь, вы у себя дома, и прошу присаживаться.

Капитан Астахов быстро разделся и сел против Погодина. Генерал бросил в пепельницу окурки и продолжал:

– У меня начальство из штаба фронта, сам Лаврецкий. Работает в моем кабинете, а я до вечера займу вашу избушку... Ну, что у вас нового?

– Кажется, обнаружилось еще одно звено этого таинственного круга, – отвечал Астахов. – Я начинаю догадываться об одном пункте, казавшемся мне неясным...

– О каком же? – нетерпеливо спросил генерал.

– Мне было совершенно непонятно, каким образом ночью, без магния, в столь сложной обстановке можно было производить почти мгновенную съемку в штабе инженерных войск...

– Да, это весьма важный пункт, – согласился генерал. – Я тоже думал над этим. Любопытно, до чего же вы додумались?

– Одним умозаключением я, пожалуй, не пришел бы ни к какому выводу, если бы не обратил внимание на то, что у чертежницы Кедровой по утрам постоянно воспалены глаза. И вот оказалось, что это от слишком яркого света электрической лампочки, висящей над ее столом. Сегодня вечером я постараюсь лично посмотреть на эту лампочку. Мне думается, что именно она является источником освещения при съемке.

– Вы сделали ценное открытие, – одобрительно заметил генерал. – У меня есть дополнительные данные, которые могут подтвердить вашу догадку. Мне удалось установить, что шифрограмма убитого радиста раскодирована не совсем точно. Я установил, что в ней вместо слова «усилие» следует читать «напряжение». Таким образом, у нас получается: «Нет четкости... увеличьте напряжение...» Если допустить, что в данном случае имеется в виду электрическое напряжение, то ваша догадка вполне уместна.

– Это бесспорно так, товарищ генерал! – воскликнул Астахов. – Тогда ведь и весь смысл шифрограммы становится понятным. Читать ее в этом случае нужно так: «Нет четкости линий (или контуров), увеличьте напряжение электрического тока».

Генерал достал из папки какую-то бумажку, разгладил ее ладонью и произнес задумчиво:

– Похоже на то, что этой шифровкой шпионам дается указание делать более четкие снимки. Но при чем тут напряжение тока?...

Помолчав, генерал добавил:

– Учтите, товарищ Астахов, и еще одно обстоятельство: нашей лабораторией установлено, что снимок карты, найденный у убитого радиста, сделан под углом в семьдесят пять градусов к плоскости карты.

– Это, пожалуй, пригодится нам, – заметил капитан.

– Я тоже полагаю, – согласился генерал Погодин, – что наклон карты совсем не случаен. Скорее всего, это результат какой-то помехи при съемке. Обратите вы внимание, что верхние и нижние контуры снимка не имеют достаточной четкости? Ведь это свидетельство того, что условия съемки были неблагоприятны и, видимо, наклона в семьдесят пять градусов невозможно было избежать. У нас с вами, товарищ Астахов, считанные часы. Подумайте над этими семьюдесятью пятью градусами и поинтересуйтесь лампочкой... – Генерал подошел к окну, открыл форточку, глубоко вдохнул свежий воздух, ворвавшийся в комнату, и спросил: – Кажется, погода сегодня очень хорошая?

– Так точно, товарищ генерал.

– Воспользуйтесь этим обстоятельством, товарищ капитан, и прогуляйтесь на электростанцию штаба инженерных войск. По моим данным, она расположена в живописном месте.

– Слушаюсь, товарищ генерал, – ответил Астахов, надевая шинель. – Мне ясна ваша мысль. Я уже послал туда лейтенанта Ершова на предварительную разведку. – Взглянув на часы, капитан добавил: – Через двадцать минут мы должны встретиться с ним в роще, неподалеку от электростанции.

Короткая аудиенция

В тот же день генерала Погодина вызвал к себе командарм. Он был задумчив и долго не начинал разговора. Погодин не задавал вопросов. Он молча сидел перед столом командарма, лишь изредка поглядывая на его усталое, озабоченное лицо. Погодин знал, что две последние ночи командарм провел в своем рабочем кабинете, не смыкая глаз. Знал он также, что командарм только что имел разговор с начальником штаба фронта и тот поставил перед ним жесткий срок готовности армии к выполнению боевой задачи.

Положение было исключительно напряженным. Подготовка к операции уже началась. Об этом, правда, знали пока только старшие начальники, и в армейских штабах не разрабатывали еще частных задач. Но работа эта должна была начаться со дня на день.

Совсем недавно противовоздушная оборона штаба армии вела мощный зенитный огонь по вражеским самолетам. От страшного грохота сотрясилось все вокруг, но теперь установилась такая тишина, что слышно было, как тяжело дышал командарм, нервно постукивая кончиками пальцев по стеклу своего огромного письменного стола. Перед ним лежали стопка телеграмм и клубки телеграфных лент, которые адъютант не успел еще наклеить на бумагу.

Когда певучие стенные часы неторопливо пробили десять, командарм, встрепенувшись от глубокого раздумья, внимательно посмотрел в глаза Погодину и сказал:

– Ну что ж, генерал, нам, пожалуй, и не о чем говорить... Тебе ведь и так, наверно, все ясно?

– Все, товарищ командующий.

– Завтра в восемь утра ждут моего доклада. Сможешь ты доложить мне что-нибудь к семи?

– Смогу, товарищ командующий. Разговор был окончен. Командарм встал, протянул руку Погодину и крепко пожал ее.

– За эти годы, Михаил Алексеевич, не однажды приходилось нам рисковать головой, но никогда еще не было так туго. Ну, иди... Не спрашиваю, как у тебя дела, завтра в семь утра ты сам все скажешь. Желаю успеха!

Поздно вечером

В роще, неподалеку от сарая, в котором находилась электростанция штаба инженерных войск, Астахов встретил лейтенанта Ершова.

– Узнали что-нибудь? – тихо спросил капитан.

– Так точно, – ответил лейтенант.

Астахов повернулся, и они пошли в сторону поселка.

– Докладывайте, – приказал он Ершову.

– Мне удалось навести кое-какие справки, – сказал лейтенант. – Электрик Нефедов, обслуживающий электростанцию штаба инженерных войск, оказался не военнослужащим, а вольнонаемным. Сегодня он весь день навеселе. С некоторого времени его вообще не покидает веселое расположение духа. Где он достает водку, неизвестно. Лампочкой я тоже интересовался. Беседовал с ним по этому поводу. Уверяет, что выменял ее у электрика артиллерийского управления. Спрашиваю, как фамилия электрика. Отвечает: «Не знаю». А имя сообщил и внешность описал. Ходил специально по этому поводу к артиллеристам. Они тут недалеко, по соседству с инженерами. Оказалось, однако, что у них вообще никогда такого электрика не было.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.